

Николай Пирогов
pir37@bk.ru
8-916-520-00-81

Герой не нашего времени

трагедия
в двух действиях

МОСКВА 2014

Действующие лица

Воронин Виктор Петрович, первый заместитель управляющего трестом «Спецстрой», сорокалетний, уверенный, с открытым лицом, крепкой фигурой, блестящими глазами. Во времена перестройки и позже – «погасший», замкнувшийся в себе.

Воронина Таисия Владимировна, его жена, одного возраста с ним.

Бондарев Александр Иванович, моложе Воронина лет на 5, первый секретарь райкома КПСС в Сибири, затем – успешный бизнесмен.

Лаптев Василий Семенович, управляющий трестом «Спецстрой», далеко за 60, плутоватый, уверенный в себе.

Лилия Ивановна, начальник отдела кадров треста, смазливая, худощавая 40-летняя особа.

Ашот Карапетян, главный специалист треста, смуглое лицо, гордый вид, 70 лет.

Винокуров, начальник отдела треста, 30 лет.

Начальник отдела снабжения треста, вертлявый человек, похожий на Иудушку Головлева, но с наглым выражением лица.

Сморыгин Георгий Иванович, инструктор ЦК КПСС, моложавый, напускающий на себя солидный вид.

Василий, начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки, 25 лет, аккуратно причесанный, щеголеватый.

Ширяев Семен Захарович, первый секретарь обкома КПСС, солидный, седовласый, одного возраста с Бондаревым.

Новгородов Спиридон Спиридонович, председатель парткомиссии обкома КПСС, якут, пенсионного возраста.

Пахомыч, житель деревни, возраст далеко за 70.

Алексей Алексеевич, глава администрации района, неопределенного возраста, невысокий, коренастый.

Члены комсомольского штаба, 8 человек, молодые люди, инженеры, рабочие.

Члены бюро обкома КПСС, семь мужчин, одна женщина, возраст 40-60 лет.

Главный инженер треста, четыре заместителя управляющего трестом, все в возрасте 40-50 лет.

Работники аппарата треста, возраст примерно от 30 до 60 лет.

Рабочие, ремонтируют офис Бондарева.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1

Совещание штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Два стола - буквой «Г». За длинным – члены комсомольского штаба. За коротким – начальство: секретарь местного райкома КПСС Бондарев, инструктор ЦК КПСС Сморгин, первый заместитель управляющего трестом «Спецстрой» Воронин и начальник комсомольского штаба Василий.

Бондарев. Товарищи! Сегодня утром мы провели, как вы знаете, общее собрание нашей комсомольской стройки. Выступило больше 20 человек. Сказано было много нелицеприятного. Молодежь горячилась, но на то она и молодежь, чтобы не быть равнодушной. Главное в том, что мы отстаем от графика на два месяца. Это очень много. Центральный комитет очень обеспокоен. Ведь наше предприятие должно давать продукцию уже в будущем году. Это учтено в государственном плане, а план – закон. Получается, что мы нарушаем закон. Мы должны с вами наметить конкретные меры по исправлению положения. Вот для этого мы и собрались. Георгий Иванович, вы не хотите что-либо добавить?

Сморгин. Все правильно сказано. Положение исправлять трудно, но необходимо. Комбинат, вы знаете, должен выпускать продукцию, очень нужную народному хозяйству. Не будь ее – оборона наша пострадает, да и благосостояние народа тоже. Так что задача не рядовая. Прямо надо сказать – задача политическая. Но большевики трудностей не боятся, мы надеемся на вас, молодежь. ЦК направил со мной сюда первого заместителя управляющего трестом. Трест мощный, таких в стране немного. В конечном итоге это стройка треста, его руководство несет персональную ответственность за результаты. Так что не стесняйтесь, вот перед вами Воронин Виктор Петрович. Спрашивайте, что вас интересует.

Бондарев (*обращается к начальнику штаба*). Василий, ты не хочешь высказаться?

Василий. Я думаю, пускай члены штаба выступят. У нас каждый отвечает за свой раздел работы – культурно-массовую, идеологическую, спортивную, учебную, жилищно-бытовую, производственную.

Сморгин и Бондарев переглянулись и согласно кивнули.

Воронин (*напористо*). А я считаю, что пускай доложит начальник штаба. Он ситуацию должен знать. Зачем время терять на долгие разговоры?

Сморыгин (*глядя на Бондарева, неуверенно*). Ну, хорошо.

Бондарев (*пожав плечами*). Ну что ж, скажи обо всем ты, Василий.

Василий (*встает неохотно, перебирает бумажки*). Что я скажу... (*немного подумал*), приехали мы сюда по зову сердца... Вот прошел год, а живем в палатках, а обещали, что через три месяца дома будут построены. Баня плохо работает. В столовой очереди, стоишь по полчаса. Продуктов мало в магазинах, сыр только российский, да голландский, колбаса – всего трех сортов...

Бондарев (*нервно*). Вася, ты о деле говори, о производстве.

Сморыгин. Действительно, давайте обсудим главное – организацию строительства.

Вася (*немного обиженно*). Да я о деле... Нужно улучшить торговлю. И еще: спортивную работу организуем, но инвентаря не хватает. Просим начальство купить нам лыжи, мячи...

Бондарев (*раздраженно*). Василий, доложи о производственной работе штаба.

Василий (*недовольно*). Отставание от графика допущено, это факт. Ну, а мы что можем сделать? Мы рабочие, работу дают – трудимся, стараемся, качество обеспечиваем. От начальства все зависит. Не подвезут материалы – сидим, а простои не оформляют. Зарплата маленькая.

Сморыгин (*поучающее*). Штаб должен во главу угла ставить вопросы производства. Говорите конкретно.

Василий (*неуверенно*). Мы не миримся с недостатками: на штабе заслуживаем отчеты начальников участков. Соревнование вот организуем. Доску показателей повесили...

Сморыгин (*резко*). Хватит, достаточно. Виктор Петрович, вероятно, свое мнение выскажет. Дело надо исправлять.

Воронин. Я понял, что рассчитывать на помощь штаба не приходится. Живете вы здесь как иждивенцы. Вам все дай: мячи, лыжи. Сорта колбасы и сыра, видите ли, мало. Забыли вы, как комсомольцы после гражданской страну восстанавливали, а после Отечественной – извините, жрать было нечего, а мы работали и дело делали. А вы? Мне тут рассказывали, что вы свадьбы комсомольские устраиваете.

Бондарев (*воодушевленно*). Вот именно. Об этом не говорили, но дело это хорошее, мы поддерживаем. Молодоженам даем квартиры.

Воронин. Дело-то, конечно, это хорошее, но мне не очень понятное. Сначала идут в церковь, венчаются, а потом – комсомольская свадьба. А на следующий день полбригады на работу не выходит.

Сморыгин. Товарищ Бондарев, как это понимать?

Бондарев. Георгий Иванович, два случая таких было. Мы разберемся. Эту поповщину мы вытравим. Виновных накажем. Связь с религией несовместима с пребыванием в комсомоле.

Воронин. Долго говорить не буду. ЦК заверяю, что трест задачи выполнит. Отставание наверстаем. На райком партии и комсомольский штаб, как видно, надежды мало. Я с министерством обороны договорился, пришлем сюда солдат, строительный батальон. Дело быстро выправим. Лично займусь обеспечением стройматериалами. У меня все.

Сморыгин. Давайте отпустим членов штаба и кое-что обсудим.

Члены штаба, недовольные, встают и уходят.

Сморыгин. А ты, Вася, останься. *(Тихим, проникновенным голосом)*. Виктор Петрович, ты тут немного переборщил. Комсомольский штаб – это большое подспорье на стройке.

Бондарев *(агрессивно)*. Вот именно.

Воронин. Я это не отрицаю, только считаю, что надеяться на этот штаб не могу.

Бондарев *(поучающее)*. Это антипартийная линия.

Сморыгин. Александр Иванович, полегче.

Бондарев. А чего полегче? Товарищ Воронин опорочил всю работу штаба, да заодно и райкома партии.

Воронин. А я ведь еще не все сказал. Я вот тут проанализировал данные о правонарушениях и нарушителях трудовой дисциплины среди строителей. Шестьдесят процентов – комсомольцы и члены партии. Это как понять, Александр Иванович? Виновата моя антипартийная линия, что ли?

Сморыгин. Это так, товарищ Бондарев?

Бондарев. Меры примем, Георгий Иванович.

Сморыгин. Виктор Петрович, а вы все же укрепите контакты и со штабом, и с райкомом партии.

Воронин. Постараюсь, но вряд ли получится. Райком, по-моему, занимается демагогией, а Василий *(взглянул в сторону начальника штаба)*, ну какой он работник? Посмотрите на его руки. На общем собрании сидел и ногти полировал.

Сморыгин. Ладно, закончим, не будем ссориться, ведь одно дело делаем.

Занавес

Картина 2

Прошел год. Зал заседаний бюро обкома КПСС. Длинный стол. По стенам зала – стулья. По одному подходят члены бюро.

1-й член бюро. Чего это нас собрали в воскресенье? Что стряслось?

2-й член бюро. Спроси председателя парткомиссии. Он какой-то вопрос готовил.

3-й член бюро. А у него-то что срочное может быть? Выговор можно и в будни объявить.

4-й член бюро. (*Женщина в строгом костюме*). Да говорят, кто-то из секретарей набедокурил, а первый решил не тянуть и завтра же на совещании всему активу о принятых мерах доложить. Воспитывает.

Входит председатель парткомиссии с папкой. Здоровается со всеми кивком головы. Вид очень строгий.

5-й член бюро. Спиридон Спиридонович, что за проблема?

Новгородов. Аморальное поведение: Бондарев с начальником комсомольского штаба вчера пьянствовали, в общественном месте набезобразничали. Вот я сейчас буду докладывать, все и узнаете.

1-й член бюро. Да Бондарев же, как будто, друг Семена Захаровича?

2-й член бюро. Семен Захарович – принципиальный человек, авторитет партии для него важнее дружбы.

Входит Ширяев, со всеми здоровается за руку, приглашает занять места за столом.

Ширяев. Товарищи члены бюро, случилось чрезвычайное происшествие. Первый секретарь Пригородного райкома партии товарищ Бондарев со своим комсомольским вожаком Василием Алехиным, молодым коммунистом, вчера в ресторане гостиницы, потеряв человеческий облик на почве злоупотребления алкоголем, как говорится, полностью отключились. Опозорили высокое звание члена партии. Пройти мимо этого факта мы не можем. Нужно строго наказать нарушителей. Пригласите их.

Входят Бондарев и Василий. Садятся в торце стола на указанное им место напротив первого секретаря.

Ширяев. Товарищ Новгородов, доложите членам бюро суть дела.

Новгородов. Семен Захарович уже почти все сказал. Добавлю только, что коммунисты Бондарев и Алехин пьянствовали в обществе каких-то посторонних женщин в гостиничном номере, а затем направились в ресторан, перед дверями которого Бондарев в безобразном виде заснул в кресле, а Алехина, извините, стошнило

на виду у всех посетителей. В проекте решения бюро предлагается: за моральное разложение обоих исключить из рядов КПСС и снять с работы.

Ширяев. У вас все, Спиридон Спиридонович?

Новгородов. Да, все.

Ширяев. Тогда заслушаем Бондарева и Алехина. Товарищ Бондарев, дайте пояснения по сути дела.

Бондарев. Я подробно все написал в пояснительной записке. Вину признаю, но считаю..., да нет (*тяжело вздыхает*) прошу членов бюро наказание смягчить.

Ширяев. Я читал, что вы написали, а члены бюро не знакомы с вашим объяснением.

Бондарев. Товарищи члены бюро, выпили мы лишнего. Но Алехин в этом не виноват. Я ведь его старший товарищ, практически – начальник, поэтому, когда его приглашал, послушаться меня он не мог. И выпил-то он всего стакан. У нас столько молодые перед работой пьют. Да и непьющий он вообще-то. А я, старый дурак, не знал об этом. Плохо знаю свои кадры.

Ширяев (строго). Товарищ Бондарев, вы говорите о себе, Алехину слово дадим.

Бондарев. Дело все в дозе, выпили-то мы всего ничего, но для нас это много. Васе много ясно почему, я это объяснил, а мне много потому, что стар стал. (*Поднял голову, обвел всех сидящих глазами, принял простодушный и даже слегка придурковатый вид*). Прошу учесть одно обстоятельство, у себя в районе я ведь не пью, вы это знаете. А приезжаешь в столицу – и трудно сдержаться: много знакомых, приятелей, все приглашают в гости. Но главное даже не в этом. Здоровье уже не то, что в молодости, да и годы не те. Вот помню раньше, лет двадцать назад, выпьешь пару стаканов водки, утрешься рукавом и хоть бы что, даже никто не заметит, что ты пил. Семен Захарович, помните, мы с вами, по моему, на четвертом курсе, как-то выпили побольше, чем по бутылке на брата, и – на танцы...

Лицо Семена Захаровича окаменело. Он застыл с открытым ртом.

Бондарев (*продолжил в бешеном темпе, понимая, что ему могут не дать договорить*). А на танцах-то, помните, к нашим девушкам пристали трое рабочих. А как мы с вами их отделали, всех троих! А когда в милицию нас забрали, то помните, что было? Я помню! Нас отпустили, а их задержали, сказали, что они были в нетрезвом состоянии. А мы-то с вами молодцы. Вот что значит здоровье и молодость. Сейчас конечно не то...

В кабинете наступила мертвая тишина. Ширяев закрыл лицо руками. Через несколько секунд раздался его хохот.

Ширяев. Ну, ты, Иван, силен! Надо же, вспомнил! А ведь было все это, было! *(И вдруг разом погасил веселье.)* Ну, а если без шуток, то ты, наверное, прав. Дело-то, видно в том, что меру знать надо. Молодость-то прошла и здоровье не то, что было. В части тебя мы, по-моему, палку перегнули. Как считают члены бюро? *(Сидящие за столом одобрительно загудели. Лишь председатель комиссии партийного контроля промолчал, обиженно поджав губы. Он явно был не согласен, но перечить первому секретарю не решился.)* Есть предложение ограничиться обсуждением. Виноваты они, конечно, но наше обсуждение – тоже наказание и немалое. Ну, так как, других предложений нет?

Члены бюро *(в разнбой).*

Согласны.

Правильно.

Верно.

Ширяев *(отчеканивая каждое слово и в упор глядя на стоящих перед ним виновников).*

Но вы имейте в виду, что объяснение ваше мы сохраним, и если допустите что-либо подобное, наказание будет жестче, чем записано в проекте сегодняшнего решения. Ясно? Члены бюро согласны? Давайте проголосуем. Единогласно. Заседание бюро закончено.

Члены бюро и провинившиеся вышли в коридор.

Члены бюро *(в разнбой, кто-то хлопал Бондарева по плечу).*

Ну, ты, Александр, дал прикурить!

Ну и хитер!

Молодец!

Василий смотрит на Бондарева с восхищением. Все стали расходиться. В коридоре Бондарева догнал Ширяев.

Ширяев. Чего ты, Саша, в гости-то ко мне не заходишь?

Бондарев. Да все как-то не получается. Дела.

Ширяев. А сейчас-то какие дела?

Бондарев. Сейчас вроде бы и дел никаких нет.

Ширяев. Вот и пойдем ко мне. Лена будет очень рада.

Бондарев. Спасибо Семен, пойдем.

Полуобнявшись, они пошли к выходу.

Занавес

Картина 3

Прошло около десяти лет. В кабине Лаптева, управляющего трестом «Спецстрой», собрались его заместители, главный инженер и секретарь партийной организации Лилия Ивановна, она же начальник отдела кадров, давняя любовница управляющего. За глаза про нее говорят, что в тресте она занимает три должности. Это не совещание, а как бы дружеская беседа. Сидят все в вольных позах в креслах у стола, на диване у стены. Управляющий медленно ходит по кабинету.

Лаптев. Ну, что, мужики, пардон, леди и джентльмены (*смеется, глядя на Лилию Ивановну*), давно мы вот так все вместе не собирались. А время такое, что советоваться надо почаще. Перестройка к концу идет, развал наступает. Вся система рухнула. Самим надо вертеться.

Главный инженер. Да, это верно.

Замы (*в разнбой*).

Тяжелое время.

Бардак просто.

Непонятно, что будет.

Лилия и Воронин молчат.

Лаптев. Ну, да ладно. До дел дойдем. Время сейчас нерабочее. Можно слегка расслабиться. Лиля, с армянского управления нам коньяк привозили, давай-ка оформи его с закуской.

Лилия уходит.

Лаптев (*доверительно*). Сдал я ее сыну в аренду нашу мехмастерскую. Цена умеренная. Очень довольна. Сын – бизнесмен. Какие-то штучки пластмассовые начал делать. А Лиля (*усмехнулся*), будет делать то, что нам нужно. Сейчас это очень важно.

Замы (*в разнбой*).

Правильно.

Это дело.

Одобряем.

Входит Лилия с красивой дорожной сумкой, достает из нее рюмки, закуску, две бутылки коньяка. Лаптев открывает бутылку и разливает коньяк по рюмкам.

Лаптев (*поднимая рюмку*). Ну что сказать, время сейчас лихое, подобного и не припомню. Держаться нам надо друг за друга, вместе действовать, слаженно. Вот за это и выпьем.

Все чокаются, пьют и закусывают.

Лаптев. Ну, о делах мы еще потолкуем. А сейчас рассказали бы, как отпуск-то провели. Я-то, вы знаете, в деревне отдыхал, на родине. Ох, благодать там. Сохранилась, правда, одна природа, а колхоз растащили, как будто его и не было. Вы все по санаториям ездите. Небось, без жен. Знаю я вас, ребята не промахи. Ты, Лилия Сергеевна, шла бы работать. Спасибо, все нам организовала. Да и больше одной рюмки ты не пьешь. А мы еще выпьем, погутаим.

Лилия уходит, делая слегка обиженный вид.

Главный инженер. Ну, выпьем еще по одной. *(Наливает)*. Белогвардейский тост: «Выпьем молча. Мы слишком много болтаем и поэтому имеем то, что мы имеем».

Один из замов. Почему белогвардейский?

Главный инженер. Да в кино «Адъютант его превосходительства» белогвардеец его предложил.

Хохотнув, чокаются и пьют.

Один из замов. А имеем-то иногда не так и мало. Вон, Виктор Петрович интересней всех отпуск провел, это точно. Поехал по горячей путевке на Кипр. Петрович, рассказал бы, как все сложилось.

Воронин *(в хорошем расположении духа, приняв общий веселый тон)*. Расскажу. Чем одинокие мужики занимаются в отпуске?

Один из замов. Флиртом, конечно.

Все захохотали.

Лаптев. Ну да ладно. Пускай Виктор доскажет.

Воронин *(весело)*. Решил я сразу определиться, не одному же болтаться три недели. Записался на следующий день на экскурсию на необитаемый остров. Курить-то я бросил, а тут подвернулась компания – две блондинки, симпатичные, лет по тридцать пять. И обе курят.

Один из замов. Действительно, симпатичные, или из тех, которые на свидания со своей водкой ходят?

Опять все засмеялись.

Главный инженер. Не мешай. Дай человеку досказать.

Воронин. На самом деле – что надо. И водка не нужна. Ну, думаю, сделаю зигзаг, покурю с ними вместе, познакомимся. Прямо у автобуса купил у грека пачку «Мальборо» и зажигалку. Подхожу к ним, говорю, что я такой-то, а как вас зовут? Катя и Света. Начали беседовать, а я, не торопясь, достал сигарету,

понюхал ее. Когда не куришь год, ох и приятно табак пахнет! Чиркнул зажигалкой и тут весь газ, что в ней был, сразу вылетел. Факел был, наверное, в полметра. Нос обожгло, подпалились брови и волосы. Хорошо, хоть глаза целы остались. Вдоль лица – черная полоса, а на носу волдырь.

Все захохотали.

Лаптев. Ну, а дальше-то что?

Один из замов. Да, интересно, как дальше-то?

Воронин. Да уж чего интереснее. Вы смеетесь, и кругом тогда, видели бы вы, как все хохотали. Со стыда чуть не провалился.

Другой зам. И что же стал делать?

Воронин. Чего делать? Нос лечить. Убежал сразу от автобуса. На носу волдырь все растет. Таисии позвонил, спросил, как лечить ожег. На руке вроде бы. Как сказала, так и лечил. И две недели один занимался физкультурой. Натренировался так, что приехал и на третий этаж на одной ноге допрыгал – с сыном поспорили.

Главный инженер. А на носу ничего не заметно.

Воронин. Весь фокус был в том, чтобы вылечить без последствий. Ободрал бы волдырь, так бы круг на носу и зафиксировался, как пяточок у свиньи.

Лаптев. Это тебя бог наказал. Не блуди. Остановил тебя.

Воронин. Наказали – это точно. Да только не бог. Когда приехал, Таисия говорит, что у нее на следующий день, как меня проводила, уж очень здорово кольнуло сердце. Оказалось, тогда и кольнуло, когда я нос подпалил. Совпало время чуть не до минуты. Это она мне своим сердцем-то по носу и звезданула.

Все засмеялись.

Один из замов. Видно, любит тебя здорово.

Воронин. Любит, я знаю.

Лаптев. Ну, выпьем еще по маленькой. Вместо тоста я вам анекдот расскажу. Отец сыну говорит: «Выпьем, сынок, по сто грамм». Сын: «Отец, дело говоришь, конечно, выпьем». Выпили, посидели, посмотрели телевизор. Отец снова: «Сынок, а может, еще по сто пятьдесят?» Сын: «Молодец, отец, отличная мысль». Выпили, отдохнули немного, отец и говорит: «А теперь поработать бы чуток, дрова распилить, да поколоть». Сын: «Отец, ты, когда напьешься, такую околесицу несешь!»

Посмеялись, но задумались. Ведь Василий Семенович обычно зря ничего не говорит.

Лаптев. Это я к тому рассказал, чтобы не воспринимали мои слова, как тот нахальный сын. Разговор у нас серьезный. Главный доложит ситуацию.

Главный инженер. Партия учит нас быть предпринимателями. Надо научиться зарабатывать деньги, а не ждать от государства подачек. Мы с Василием Семеновичем провели инвентаризацию. И вот вам список механизмов и материалов, которые можно реализовать. Мы их сактируем, износ поставим предельный, никакой прокурор не придерется. *(Раздал листки бумаги. Все внимательно их изучают.)*

Лаптев. Может, есть вопросы?

Воронин. Если это все продать, то работать будет нечем. Как же так?

Главный инженер. Это отсталый взгляд. Будем брать подряды, а в смету закладывать и покупку материалов, и аренду механизмов. Так вот.

Один из замов. Но стоимость работы увеличится на много. Найдем ли мы заказчиков?

Лаптев. Я с министерскими договорился. За откат процентов в двадцать они нас заказами обеспечат.

Главный инженер. Всем вместе надо заняться реализацией по этому списку.

Лаптев. Заработок здесь приличный, в долларах, наличными. Хватит нам жить на копейки. Позже обсудим, как деньги делить. Все будет справедливо, не сомневайтесь. Ну, так что, лады? Или что-то непонятно?

Воронин *(после долгого молчания)*. Так значит вы, Василий Семенович, предлагаете нам вместе воровать? Создать что-то вроде шайки? Может я не так понял?

Лаптев *(побагровел и с ненавистью посмотрел на Воронина)*. Понял ты не так. Дополнительный заработок будете получать в виде премий по приказам.

Общее молчание.

Воронин *(встав и ни к кому конкретно не обращаясь)*. Я, если не против, пойду. Сыну сегодня двадцать лет, опаздывать нехорошо.

Лаптев *(широко улыбаясь)*. Конечно, конечно.

Воронин по очереди жмет всем руки и уходит.

Один из замов. Я, пожалуй, тоже покину вас. Буду увольняться. Нашел подходящее дело, поэтому решайте все без меня.

Лаптев. Ну, что ж, вольному воля.

Зам прощается со всеми за руку и уходит.

Лаптев *(жестко, четко)*. Ну, вот что. Осталось нас четверо, Лиля – пятая, без нее не обойтись. *(Нажимает кнопку)*. Лиля, зайди. Пока идет, выпьем. *(Разливает*

коньяк). Воронин болтнул, шайка, мол, мы. Мы не шайка, а команда, один за всех и все за одного. Предательства прощать не будем. Так?

Главный инженер. Так, Василий Семенович. По-другому в наше время не получится.

Входит Лилия.

Лаптев. За это и выпьем. Лиля, садись. Вот что, друзья, продажа техники – это семечки, так, разминка. Главное вот в чем. Впереди – акционирование. Фонды у нас огромные, по нынешним ценам – на миллиарды рублей: здания, сооружения, земля. Все это должно стать нашим. Раз мы руководители, значит, должны быть и собственниками, хозяевами. Руководству по закону приличный процент акций положен. Но это – мало. Нужен контрольный пакет. Не будет его – все от нас уплывет. Ребята из кооперативов, что в малиновых пиджаках шляются у нас по коридорам, живо перекупят все акции. А дальше – нас под зад. С Лилей Ивановной подготовили соображения на этот счет. Лиля, скажи.

Лилия. Я прикинула, у кого можно сразу же выкупить акции. Вот список, все эти люди, считайте, у нас на крючке. Кто в чем замешан. Дергаться не будут, не позволим. У нас должно быть больше пятидесяти процентов, это реально. Но здесь поработать надо. Просто так, само собой не получится.

Главный инженер, два зама (вразнобой).

Толково.

Молодец, Лиля Ивановна.

Вот так и надо.

Лаптев. Но вы не учитываете главное.

Замы. Что не учитываем?

Лаптев. Что, что? Воронина не учитываете. Без него-то ничего не получится. А он не с нами, и с нами не будет, неужели не понятно? Пока мы тут химичили, он ведь, практически, всем трестом руководил. Если бы не он – давно бы обанкротились. И еще: я ведь в министерство сведения дал на кадровые замещения, его – на управляющего трестом. Он это знает. Мне за шестьдесят, а ему – на десять меньше. У него закалка с детства. Сиротой рос. Мальчишкой в оккупации был. И всю жизнь – отличник. Коллектив его уважает. Сделают ставку на него – всем нашим планам конец (*последнее слово говорит по слогам*).

Лилия. Выберут его председателем собрания, вот и все.

Главный инженер. Может, это, того...?

Лаптев. Чего это того?

Главный инженер. Ну, несчастный случай какой...

Лаптев. Уголовщиной заниматься не позволю.

Заместитель управляющего. А что делать-то?

Лаптев. Думать надо.

Занавес

Картина 3

Маленькая кухня в хрущевской пятиэтажке. За столом Воронин и его жена Таисия. Отужинали. Воронин уставший, потухший.

Воронин. Устал я, Тая. Ох, как устал. Не работа, а каторга. Все, что раньше было плохо, сейчас – хорошо, что было хорошо, оказалось – дурость какая-то. Что недавно называлось спекуляцией, то сейчас – бизнес, предпринимательство. Сердце стало болеть. К концу дня еле ноги таскаю.

Таисия (*подошла сзади, обняла мужа*). Витюша, я с трудом до вечера дотерпела. Новость хорошая, сюрприз. Вера, подруга моя на работе, ты ее знаешь, предложила...

Воронин. Да не тяни. Суть-то дела в чем?

Таисия. Если коротко – мы можем купить дом в деревне. Недорого. Сто пятьдесят километров от Москвы. Вера мать к себе забирает, а дом пустой. Оформление по дарственной.

Воронин (*оживился, глаза заблестели*). Ну-ка, ну-ка, расскажи, что за дом, какой участок?

Таисия (*радостная, что муж повеселел*). Обычный деревенский, рубленый пятистенок. Участок пятьдесят соток и для картошки – хоть гектар. Земля – палевая, ближе к чернозему. Дом, правда, давно не ремонтировался, ну да мы с тобой рукастые, и дети помогут. Вера и фото сделала, три штуки, смотри.

Воронин (*разглядывает фотографии, подперев голову рукой. Думает. Таисия молчит, смотрит на мужа*). А ты знаешь, это выход. Бросил бы я эту работу к чертовой матери, и уехали бы мы с тобой в деревню. Я ведь до института, ты заешь, крестьянствовал. Все умею делать. Любому сто очков вперед дам.

Таисия (*буквально расцвела от радости*). Ой, Витя, я думала, ты не согласишься.

Воронин (*печально*). Но, понимаешь, дело-то не простое. Людей я предаю, они ведь на меня надеются. Так и говорят, что только я могу дело поставить правильно, остальные в руководстве – ворье, все растащат, все продадут.

Таисия (*сурово, с напором*). Виктор, а лучше будет, если ты инфаркт получишь? Скажи – лучше? И что коллектив твой будет делать? Вместе со мной плакать? Да?

Воронин. Тая, мне же до пенсии еще два года. Без денег как жить-то?

Таисия. Два года не срок. Протянем. Да у нас и кое-что накоплено. Не пропадем. Еду свою сами вырастим – картошку, овощи. Кур заведем.

Воронин (*оживляясь*). А ты права. Поросенка заведем, корову, овечек.

Таисия. Витя, да ты что, разве со всем этим справишься? Я ведь городской житель.

Воронин. А я на что? Всему научу. А о корове мы еще с матерью мечтали. Если на дворе корова, считай, семья обеспечена пропитанием.

Таисия. Витюш, согласна я и на корову. Лишь бы тебе хорошо было.

Воронин. А ты знаешь, трактор бы купить, маленький – «Беларусь». Там и ковш, и отвал, косилку, плуг – все можно приспособить. Это идея. У нас их распродают. Мне не откажут. Все, решено. Завтра говорю с управляющим.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 1

Кабинет управляющего трестом. За столом – Лаптев. Звонок телефона. Лаптев нажимает кнопку. Голос Воронина: «Василий Семенович, здравствуйте. Надо бы зайти, переговорить».

Лаптев (*ласково, само радушие*). Заходи, Виктор Петрович, прямо сейчас и заходи, я один. (*Секретарше по внутреннему телефону*): Ниночка, пару чашек кофе.

Немного погодя входит Воронин. Жмут руки.

Воронин. Я, Василий Семенович, хотел ...

Входит секретарша. Ставит поднос с чашками кофе, сахарницей. Молча уходит.

Лаптев. Что в стране творится! Кто бы мог подумать? Армянское и узбекское управления объявили о самостоятельности, тресту больше не подчиняются. Все, что есть – приватизировали. И ничего не сделаешь – другие государства. Ельцин, дурак, войну с Чечней затеял. А Гайдар столько наломал дров, что долго расхлебывать будем. Да и расхлебаем ли?

Воронин. Главное – партию развалили. Ведь она партией и не была, это был орган управления. Нет его – и страны нет. Надоело все, Василий Семенович. Была бы пенсия, ушел бы не раздумывая.

Лаптев (*загадочно улыбаясь*). Прав ты, Виктор Петрович. Знаешь, а пенсия-то у тебя льготная уже выслужена. У тебя же северный стаж.

Воронин. Года два до льготы не хватает.

Молча пьют кофе. Лаптев по внутреннему телефону связался с Лилией.

Лаптев. Лилия Ивановна, дорогая, принеси-ка мне личное дело Воронина. У нас тут неясность есть на счет его пенсии. И захвати, пожалуйста, последнее постановление о льготных пенсиях.

Лилия пришла быстро, как будто стояла за дверью. В руках – две папки.

Лаптев. Лиля, разъясни нам ситуацию с льготными пенсиями. Обрадуй Виктора Петровича

Лилия. Ну, так что не ясно? Вы, Виктор Петрович, если бы пятнадцать лет проработали в районах Крайнего Севера, то на пенсию по старости ... Ой, простите, какой же вы старик? (*После жеманной усмешки продолжила*). На пенсию по возрасту могли бы выйти на пять лет раньше, то есть в пятьдесят пять лет.

Воронин. Да знаю я это. В том то и проблема, что пятнадцати лет нет.

Лилия. У вас северный стаж тринадцать лет и девять месяцев. Вот смотрите, все подсчитано точно. По старому порядку, если нет полных пятнадцати лет, то льгота не возникает, а новое постановление гласит, что отработавший на Севере больше десяти лет, но меньше пятнадцати, льготу все же имеет. Считается она легко – вот, смотрите. (*Передала листок с расчетом Воронину и продолжила*). Вы можете выйти на пенсию по возрасту ровно через сто пятьдесят два дня. Но это не все. На сегодняшний день у вас, Виктор Петрович, неиспользованный очередной отпуск за три года, а это с учетом добавки за вредность - девяносто рабочих дней, да еще отгулов у вас двадцать семь дней. В общем, я подсчитала – вы можете увольняться хоть сегодня.

Лаптев (*крякнул, взглянул на Лилию с укором*). Лилия Ивановна, это дело не твоего ума. Подсчитала – спасибо, можешь идти.

Лилия, обиженная, быстро выскочила за дверь.

Воронин. А что это за отгулы она насчитала?

Лаптев. Да я ей велел учитывать работу руководства в выходные дни. Вот у тебя и получилось за год двадцать семь дней.

Лицо у Воронина покраснело, он замолчал. Замысел Василия Семеновича он хорошо понял.

Воронин. Меня, вообще-то, устраивает уйти на пенсию, но жить на что-то надо. Открою свое дело. *(Сильно смущаясь.)* Хочу просить у тебя, Василий Семенович, или тракторишко, или грузовичок.

Лаптев. А тебе еще ничего не надо?

Воронин. Больше ничего. Хорошо бы «Беларусь» или ЗИЛок. Мы же списываем и реализуем технику. Не задаром, я куплю как все.

Лаптев *(рассмеялся)*. Виктор, решим твой вопрос. «Беларуси» нет. Последний недавно продали. А ЗИЛ-130, почти новый, сорок тысяч всего наездил, есть. Спишем его, оценим остаточную стоимость, ну, положим, в триста рублей. Плати в кассу, получай машину и владей.

Воронин. А цена-то не слишком мала? Никто не придерется?

Лаптев. Продадим тебе как ветерану, уходящему на пенсию. Ты же помнишь, что в приказе по министерству говорилось: ветеранам оказывать максимальное содействие. Все нормально, не беспокойся. А потом – это же моя ответственность. Помогаю тем, кого уважаю. Так вот.

Воронин *(прочувствованно)*. Спасибо, Василий Семенович.

Лаптев *(твердым голосом)*. Решили главное, а теперь давай обговорим детали. Ты пишешь два заявления: одно – об увольнении в связи с выходом на пенсию, дату его обговори с Лилией, другое – с просьбой продать машину. Это заявление с моей резолюцией храни у себя - спокойней будет. *(Лаптев встал, давая понять, что разговор закончен)*. Желаю успеха. Постой, а ты каким делом хочешь заниматься? Не с нами ли решил конкурировать?

Воронин. Дом в деревне купил. Буду крестьянствовать.

Лаптев. Слушай-ка, трубы у нас есть неликвидные, толстостенные, трехдюймовые. Цена левая. Пару тонн наберется. Оформляй – отличные столбы на забор. Тридцать лет простоят. Ну, будь здоров.

Воронин вышел из кабинета. Лаптев облегченно вздохнул.

Занавес.

Картина 2.

Кабинет Воронина. Воронин разбирает бумаги, дверцы шкафа открыты, на столе – стопки папок. Входит Ашот Карапетян.

Ашот. Здравствуй, Виктор Петрович! Уходишь от нас?

Воронин. Здравствуй, Ашот, садись. Ты уж все знаешь.

Ашот. Знаю, даром, что ли, меня зовут Ашот, который все знает.

Воронин. Да, Ашот, уйду на пенсию.

Ашот. А не ошибаешься? Жалеть не будешь? Ты же молодой еще.

Воронин. Жалеть? Может быть, и буду. Ведь всю жизнь в тресте проработал. Но решение принято, назад ходу нет.

Ашот. Виктор, а ведь ты один смог бы остановить этот грабеж в тресте. Все так считают. Кроме тебя никому.

Воронин. Ох, Ашот. Думал я, много думал. Ну, прикинь: воровство я бы прекратил. После этого всю команду во главе с Семенычем в прокуратуру надо сдавать. Верно?

Ашот. Верно, Витя. А дальше бы ты работал, руководил бы по справедливости, как всегда. Тебя же знают, уважают.

Воронин. И боятся.

Ашот. И боятся, это так. Но кто боится? Бездельники, хапуги.

Воронин. Ашот, ну как работать по справедливости, если вся эта затея Ельцина, Гайдара, Чубайса изначально несправедлива?

Ашот. С тобой меньше было бы несправедливостей.

Воронин. Вот именно – меньше. Давай прикинем: стал я генеральным директором ОАО, ЗАО или ТОО, черт их разберет, какая между ними разница? И что дальше делать? Зарабатывать деньги, выполнять любую работу, лишь бы прибыль была побольше.

Ашот. Ну, и правильно.

Воронин. Чего же правильного? Честно работать не получится. Я уже в этом убедился. Значит, охмурять надо тех, с кем имеешь дело, или они тебя охмурят.
(Побледнел, схватился за сердце.)

Ашот. Что, сердце? Попей водички.

Воронин. Да я уже научился, приспособился – валидол сосу. (Сунул таблетку в рот.) Ну, так вот, придется делиться с милицией, пожарниками, СЭС, прокуратурой. И администрация города деньги у нас будет тянуть. И где здесь останется место для справедливости, о которой ты говоришь? Где? И чем я буду отличаться от

Василия Семеновича? Чем? В результате буду такой же, как и он, ну, может, немного посправедливее. А что такое «немного» и кто оценит? Не для меня это, Ашот. Противно мне это.

Ашот. Да, ты, наверное, прав.

Воронин. Ашот, я всю жизнь занимался производством. Мне ставили задачи, давали ресурсы, указывали сроки. Все было понятно, ясно, я работал на государство. И ты ведь знаешь, трудно было всегда. Но я был счастлив. Да, счастлив. Мне есть, что вспомнить, есть чем гордиться.

Ашот. Ну, Виктор Петрович, я пойду.

Воронин. Через полчаса зайди, народ наш соберется. Проводы вроде бы.

Ашот. Спасибо, зайду. *(Уходит. В дверях встречается с начальником снабжения треста.)*

Снабженец. Виктор Петрович, вот бумаги вам на подпись.

Воронин. Какие?

Снабженец. Акт на списание труб и ваше заявление с просьбой продать их. Надо подписать их. *(Кладет на стол бумаги.)*

Воронин *(читает бумаги)*. Слушай, что за ахинею ты тут понаписал? Какая-то автомашина проломила стенку склада, разбила сорок аккумуляторов, и они электролитом залили трубы. И все это надо списать. Что за вранье?

Снабженец *(нагло)*. Вранье. А без вранья трубы стоят в двадцать раз дороже. Решайте.

Воронин *(сжал челюсти, помедлил, вздохнул и подписал)*. Ладно.

Снабженец. Деньги внесите в кассу. Документы я туда передам.

Воронин сидит молча, глядя в одну точку. По одному входят сотрудники. **Винокуров**, начальник производственного отдела, несет две большие сумки с продуктами.

Винокуров. Виктор Петрович, все купил, как вы заказывали.

Воронин. Спасибо, выкладывай на стол.

На столе появились водка, пиво, хлеб, сало, зелень, помидоры, огурцы. За столом собралось восемь человек. Молча расселись, глядят на Воронина.

Воронин *(наигранно-весело)*. Ну-ка, плесните немного в стаканы-то.

Разлили водку. Воронин встал, поднял свой стакан.

Воронин. Ну, так вот, мужики, собрал я вас, чтобы сказать: на пенсию иду, на заслуженный отдых. По новому постановлению, оказывается, льготу северную могу использовать. Дом в деревне купил. Буду заниматься сельским хозяйством, крестьянствовать. Выделили мне по льготной цене трубы *(крякнул)*

и ЗИЛ-130. За машиной еду завтра в Мурманск. Приеду – распрощаемся официально. Банкет обещаю. Решение окончательное. Вопросы есть?

Трое присутствующих (*одновременно*). Есть.

Воронин. Тогда выпьем, закусим, и, что интересует, расскажу. (*Через минуту-другую.*)
Ну, так спрашивайте.

Отодвинул папки на край стола, не рассчитал, и они упали на пол. Наклонился, поднял, лицо – свекольно-красное.

Винокуров. Виктор Петрович, а кем вы будете? Бедняком? Середняком? Кулаком?

Воронин. Чего-то ты ерунду какую-то несешь. Как это понять?

Винокуров. Понять просто. Кулаком – это значит использовать наемный труд, работников эксплуатировать. Середняком – самому хорошо работать, эффективно. Ну а бедняки – это в основном, неудачники, пьяницы, еле себя кормят.

Большинство засмеялось, Воронин тоже хохотнул.

Воронин. Шутник ты, Винокуров. А резон в вопросе есть. Кулаком точно не буду. Лодырем не был никогда. Так что и бедняком не буду. Значит – середняком. Согласен?

Винокуров. Согласен-то, я согласен. Но на земле работать – ох как нелегко с непривычки-то. Я приеду к теще в деревню, прополю ей грядку в огороде – или на карачках ползаю, или, согнувшись кверху задом, как вы бумаги сейчас поднимали, а потом поясница разламывается. Или картошку окучивать: жара, оводы жрут, весь в поту, помашешь тяпкой часа два и думаешь: пропади все пропадом, да лучше я эту картошку есть не буду!

Воронин. Чтоб ты знал, Винокуров, закалка у меня сельская с детства. Что еще хотели спросить?

Один из присутствующих (*пожилой человек*). Получается, Виктор Петрович, на собрании вы не будете?

Воронин (*потупившись и глядя в сторону*). Не успеваю я на собрание, да и что толку от меня, если увольняюсь? (*Вздохнул.*) И не к чему это обсуждать. Все решено окончательно.

Помолчали. Разлили остаток водки по стаканам.

Один из присутствующих. Желаем вам, Виктор Петрович, здоровья, успехов в вашем деле, чтобы у вас все росло и цвело и урожаи были выше крыши.

Сдержанно посмеялись, чокнулись.

Воронин. Подождите меня выпроваживать. Говорил же вам, приеду – прощальный банкет устрою.

Все как-то разом засобирались.

Присутствующие (*вразнобой*).

Мне в магазин надо.

Меня жена ждет.

За ребенком в детсад – опаздывать нельзя.

В командировку собираться надо.

Все по одному уходят. Остался один Винокуров. Собирает посуду, остатки еды.

Винокуров. Послушайте, Виктор Петрович, а зачем вам грузовик? Что вы с ним делать-то будете, он же работать должен?

Воронин. Ох, Винокуров, пристал ты ко мне сегодня. Да будет он работать. Права у меня профессиональные. Езжу, ты знаешь, неплохо. А что делать машине? Да на селе ей работы не впрокорот - возить сено, дрова, стройматериалы. (*С раздражением.*) Понятно?

Винокуров (*усмехнулся*). Понятно, Виктор Петрович (*подал руку Воронину*).

Воронин (*пожал ее, задержал в своей руке*). Обиделся что ли?

Винокуров. Да нет, не обиделся. Глупость делаете, Виктор Петрович, ошибаетесь.

Воронин. А, ладно, хватит мне настроение портить, и без тебя грустно.

Винокуров уходит. Воронин сел за стол, обхватил голову руками. Задумался.

Занавес

Картина 3

Рубленый, слегка покосившийся дом в деревне, старый яблоневый сад. Штабель досок, кучка уложенного кирпича, забор из жердей. Под ветхим навесом стоит ЗИЛ-130, рядом – старенькая потертая «Нива». Лето, окна в доме открыты, слышно как работает телевизор. Его перекрывает крик Воронина, хорошо слышимый из окна.

Воронин. Что ты болтаешь? Ты же все врешь! Рябов, зам директора техникума – заместитель председателя правительства?! Да вы что – охренели? Норильск приватизировать?! И Потанин, какой-то сопляк, комсомолец - его хозяин! Да вы знаете хоть, как строили этот комбинат?

К калитке подходит старик Пахомыч, житель деревни. Таисия идет к нему из глубины участка.

Таисия. Здравствуй, Пахомыч!

Пахомыч. Здравствуй. У вас что, драка что ли?

Таисия. Да нет, это Виктор телевизор смотрит.

Пахомыч повертел пальцем у виска и пошел прочь.

Таисия. Пахомыч, ты что хотел-то?

Пахомыч, не оборачиваясь, махнул рукой. Из дома выходит Воронин, всклокоченные волосы, злой.

Таисия. Витя, ты подумай, ну зачем ты шумишь? Толку-то от этого? Они ведь тебя не слышат!

Воронин (буркнул). Разряжаюсь!

Сели у крыльца на скамейку.

Воронин (уже спокойнее). Ты права – ничего ведь не сделаешь! А что вытворяют – невозможно терпеть. И в газетах – одно вранье. Вот в городе вчера купил «Аргументы и факты». Какой-то сопляк пишет о железной дороге от Салехарда до Игарки. И почти все врет. Бывал я там, все видел своими глазами. Так вот, этот обормот пишет, что длина ее восемьсот километров, на самом деле – тысяча триста. Сделали ее, дескать, наполовину – и бросили. И опять врет – готовность ее была больше восьмидесяти процентов. И еще сочиняет, что эта дорога – сумасбродство Сталина. Ничего не соображает: да эта дорога нужнее БАМа!

Таисия. Витюша, успокойся. Прав ты, наверное. Не волнуйся, опять сердце прихватит.

Воронин. Да я спокоен. Вчера же позвонил Славе. Вот техника стала: набрал номер по мобильному и пожалуйста – отвечает. Узнал меня по голосу.

Таисия. Это молодой парень, корреспондент, что ли?

Воронин. Уже не молодой. Стал спецкором «Известий» - серьезный человек. Учил я его когда-то. Много он со мной по стране поездил. В промышленности, строительстве совсем не разбирался – вот я его натаскивал. Говорю ему про эту статью, думал, как раньше, расскажу ему, а он уже эту тему раскрутит. И что ты думаешь, он мне ответил?

Таисия. Не знаю.

Воронин. Сказал, напиши статью, что-то вроде опровержения. Я, говорит, точно ее опубликую.

Таисия. Прав он, наверное.

Воронин. И ты туда же. Да буду я со всякими обормотами пикироваться! Пошли они все подальше! Так ему и выложил.

Таисия. А Слава что?

Воронин. Что, что? Обидел он меня. Если так, говорит, то зачем время у меня отнимаешь, считаешь, что делать мне нечего? И отключился.

Таисия. Ну, не волнуйся. Люди разные, да не такие уж вы с ним друзья.

Воронин. А я считал, что друзья. Когда работал, многие со мной дружили.

Таисия. Жизнь – то меняется. Ты ведь уже девятый год не работаешь.

Воронин. Жизнь меняется, это точно. Да еще как меняется. Вчера же встретил в городе Бондарева. Ты его не знаешь. В Иркутской области был секретарь райкома партии. Мы там комбинат строили. Лодырь, пьяница и прохиндей.

Таисия. Ну, и зачем он тебе? Забудь, мало у нас сейчас своих забот?

Воронин. Ты не поверишь – такое превращение. Оказывается, он отсюда родом. В районном центре – бизнесмен номер один. Кругом его магазины, мебельная фабрика, оказывается, тоже его. Показал снаружи свой дом – ну прямо дворец. Я рассказал про свои дела. Мне хвастаться-то нечем. Говорит – помогу. Да зачем мне помогать?

Таисия. А что отказываться, если человек помощь предлагает?

Воронин. Хотел приехать сегодня. Да, я думаю, говорил так, из вежливости. Мы ведь с ним друзьями не были, чего ему ко мне ехать?

Таисия. А мне так кажется – приедет.

Воронин. Приедет – чаю попьем.

Таисия. Давай-ка мы с тобой сами чаю попьем.

Собралась было готовить чай. Отойти не успела. У ворот резко затормозил большой черный джип.

Воронин. Ну, Таисия, ну, ведьма, как говоришь, так все и случается. Это ведь машина Бондарева.

Пошел к калитке. Навстречу – Бондарев, элегантно одетый, в руках кейс.

Бондарев. Здравствуйте, Виктор Петрович!

Воронин. Здравствуйте, Александр Иванович! Вот уж не думал, что заедете. Считал: поговорили и забыли. Заходите, знакомьтесь - моя жена, Таисия Владимировна.

Таисия. Можно просто Тая.

Бондарев *(слегка кланяется)*. Александр Иванович, можно просто Саша. Очень приятно, извините, что внезапно нагрянул. Мимо ехал, у меня тут ферма небольшая. А это вам *(из кейса достает большую коробку конфет)*.

Таисия. Спасибо, вот мы сейчас с ними чаю и попьём. Пойду приготовлю.

Бондарев. Ну, Виктор Петрович, покажите свою фазенду.

Воронин. Показывать почти нечего. Живём потихоньку. У меня принцип – делать все самому. Дом подремонтировал, курятник сделал, навес для машин.

Бондарев. Это за восемь лет?

Воронин (*как бы извиняясь*). Текущих дел много: огород, сад, поросенка завели, картошку выращиваем. Дел полно.

Бондарев. Как ЗИЛ-то, хорошо бегаёт? О, да у него и номеров нет?

Воронин. Регистрировать его надо по месту жительства в Москве, а там в ГАИ такие очереди, такая маята... В общем, номера-то не очень и нужны. Машина отличная, ездил я по округе несколько раз: дрова возил, доски, кирпич. Я же говорил вчера – продать хочу машину. (*С гордостью, солидно*). Сын рынок изучил, стоит она сейчас двадцать тысяч долларов.

Бондарев внимательно оглядел машину.

Бондарев. Участок у вас хороший, и сад, и огород – как на картинке. Молодцы.

Воронин. Таина заслуга. А у меня последнее время сердце что-то сдает.

Бондарев. Ясно, годы не молодые, беречь себя надо.

Таисия. Александр Иванович, прошу к столу. Сядем под яблоней.

Бондарев. Красотища!

Садятся за стол. Таисия разливает чай. Бондарев отхлебнул из чашки.

Бондарев. Вот это чай! Аромат бесподобный. Что за сорт?

Воронин. Тая делает.

Таисия. Делаю-то я, а научил меня Виктор. У него это семейный секрет.

Воронин. Да, мать научила. Трав чуть ли не три десятка.

Все пьют чай. Вдалеке раздаётся колокольный звон. Бондарев встал и трижды перекрестился по направлению звука.

Воронин (*изумленный*). Александр Иванович, да вы же атеист. Помните, как мы с вами комсомольцев шерстили за то, что в церкви венчались?

Бондарев. Помню, все помню. Но сейчас другое время. По телевизору, небось, не раз видели: Ельцин и все руководство верующими стали. На главные православные праздники в церковь ходят. Электорат свой увеличивают (*поднял палец кверху*).

Воронин. Ельцин, когда был первым в Свердловске, двух работников из нашего стройуправления из партии исключил. И за что – детей покрестили!

Бондарев (*сглаживая ситуацию, обращаясь к Таисии*). Мы ведь с Виктором Петровичем давние товарищи. Вместе когда-то такой комбинат отгрохали, загляденье. А, кстати, что мы все по отчеству, да на вы? Давайте по-простому, по-дружески... Не против?

Воронин и Таисия (*почти хором*). Конечно!

Бондарев. Так вот, друзья, хочу вам помочь: машину могу купить.

Воронин. Как-то неожиданно это.

Бондарев. Виктор, время такое, надо решения принимать быстро, да что быстро – мгновенно.

Воронин. Саша, неудобно мне тебе-то продавать. Как-то не с руки.

Бондарев. А чего неудобного? Я, если надо, и родной жене продаю товар.

Таисия. Виктор, ты слушай Сашу, он же опытный человек.

Воронин. Дело в цене.

Бондарев. Это верно, дело в цене.

Воронин (*вошел в роль бизнесмена*). Саша, бери ее за восемнадцать тысяч, свои мы люди, зачем нам с тобой торговаться. Ну как, согласен?

Бондарев (*потеребил себя за кончик носа, посмотрел на Виктора насмешливо-ласково*). Ох, Витя, чудак же ты. Торговаться – надо, и деньги считать – надо. Цена этой машины, если привести ее порядок, пятнадцать тысяч, не больше.

Воронин. Саша, да ты что, она почти новая, прошла всего сорок пять тысяч.

Бондарев. Вот послушай меня: купил ты ее девять лет назад, было ей тогда три года, итого – двенадцать лет. Это прилично. У тебя она, практически, стояла, значит, старела быстрее, чем работающая. Верно? Сейчас нужно менять все шланги, все ремни, все жидкости, аккумулятор наверняка сдох: максимальный срок его – пять-шесть лет. Покрышки все в волосяных трещинах – зимой рассыплются. Двигатель надо регулировать. Это денег стоит немаленьких. Да и регистрировать ее надо. Задаром не получится. Налоги еще придется платить. Короче – все это я могу сделать тысяч за пять, а потом за пятнадцать найду покупателя. Машина, Витя, мне не нужна, тебе хочу помочь.

Воронин. Спасибо, Саша. Надо подумать.

Таисия. Вить, позвони Игорю, посоветуйся.

Воронин. А что, действительно, можно позвонить. (*Повеселел, обращаясь к Бондареву*.) Пойду позвоню, у нас тут хорошая связь у столба ЛЭП. (*Уходит*.)

Таисия. Саша, спасибо тебе, давай уговорим его. Машина-то нам не нужна. Есть «Нива», что привезти по мелочи – на ней можно. А деньги будут – найдем бригаду – все доделаем. Ты прямо, как ангел с неба.

Возвращается Воронин, радостный и улыбающийся.

Воронин. Игорь говорит, что резон есть. Только велел деньги сразу в банк положить.

Бондарев. Сын, видно, у вас толковый.

Таисия *(с гордостью)*. В банке работает. Если что, Саша, может тебе в чем и поможет.

Бондарев. Спасибо, учту. Ну, так что, решаем?

Воронин *(сдерживая радость)*. Саша, готов делать, что скажешь.

Бондарев. Чего скажу? Вот тебе бланк расписки, заполни его. Напиши, что получил от меня десять тысяч долларов за ЗИЛ-130. Не торопись, а то напутаешь чего-нибудь. Не обессудь, такой уж порядок.

Воронин. Ясное дело, порядок есть порядок. *(Садится писать, надел очки.)*

Таисия. Надо же, так все сразу.

Бондарев. А чего тянуть? Правильно ведь говорят, время – деньги. *(Достает толстую пачку долларов и начинает быстро считать. Передает деньги Таисии.)* Таисия Владимировна, получайте – ровно десять тысяч.

Таисия взяла деньги, не знает, что с ними делать.

Бондарев. Посчитать надо обязательно.

Таисия *(немного смущенно)*. Наверное, надо *(пересчитывает деньги на столе)*. Все правильно.

Воронин. Саша, проверь. *(Протягивает ему расписку. Тот бегло просматривает ее.)*

Бондарев. Вроде бы все правильно. Ну, дорогие Воронины, поеду я, дела, никуда не денешься. Завтра пришлю человека, подпишите ему генеральную доверенность, он машину перегонит в гараж. Ну, до встречи, еще свидимся.

Идет к калитке, Воронины его провожают. От свалившейся удачи еще не пришли в себя. У машины Воронин и Бондарев прощаются за руку. Бондарев из машины махнул рукой и уехал. Воронины возвращаются к столу. Садятся. Какое-то время молчат.

Воронин. Покажи-ка деньги.

Таисия передает ему пачку. Он подержал, положил в пакет.

Таисия. Вот настоящий друг. А ты про него говорил ...

Воронин. Сам своим глазам не верю, какое-то чудесное превращение. И не в деньгах дело: чуть больше или чуть меньше, велика ли разница? Приятно, да и удивительно, что человеком он оказался порядочным.

Таисия. Надо с ним дружить. А то ведь что у нас здесь за знакомые – полуграмотные мужики, да бабы. Знаешь, Витя, надо пригласить его с женой в гости.

Воронин. Верно. Вот поеду в город, деньги положу в банк, зайду в его офис и приглашу. Обязательно приглашу.

Занавес

Картина 4

Кабинет Бондарева, просторный, современный. В приемной, в коридоре – ремонт. За приставным столом сидят Бондарев и Алексей Алексеевич, глава районной администрации.

Бондарев. Ну что, спасибо тебе, Алексей Алексеевич. Освободил ты меня от местных налогов. Это большая помощь. Помогу и я тебе: дам машину бруса. Отличный материал, из Архангельска, сосна. Ты ведь строишься, вот и пригодится.

Алексей Алексеевич. За это спасибо.

Бондарев. Давай выпьем за наши успехи.

Наливают, чокаются.

Бондарев. Но успехи-то наши могут кончиться, Алексей.

Алексей Алексеевич. Как понять?

Бондарев. Как понять, как будто сам не знаешь. Выборы на носу, а ты чем занялся? Судья, конечно, хорошая баба, и фигуристая, и лицом красивая, сам бы не отказался. Но, понимаешь – не время. Район небольшой, вы с ней у всех на виду. Потеряешь избирателей. Я тут поручил своим, они втихаря небольшое исследование провели. Женщины против тебя – говорят, что за этого кобеля голосовать не будут и своим мужьям не позволят.

Алексей Алексеевич. Александр Иванович, ты прав, но не совсем. Сейчас не советские времена и мой моральный облик – это мое дело. Какой есть, таким пускай и принимают, и нечего трястись, как раньше, боясь парткома. Плевал я на все эти бабьи мнения. До выборов еще три месяца. Вот погоди, скоро откроем детский сад, филиал московской швейной фабрики готов, а это – сто работающих. Еще что-нибудь сотворим, и бабы не только замолчат, а еще и за меня агитировать будут. Наливай, выпьем еще. Хороший у тебя коньяк.

Бондарев. Может, ты и прав. Народ, в сущности, - быдло. Лохи и недотепы. Вот месяц назад явился ко мне один и предложил арбузы взять на продажу. Говорит, что его дочь из-под Астрахани пригнала КАМАЗ с прицепом – тонн двенадцать

арбузов. Разгрузили их у него в палисаднике. Так он хотел, чтобы я их продал за пять процентов. Я ему говорю, что и за пятьдесят еще подумаю, брать ли. Ну, так что ты думаешь – обозвал меня по-всякому и ушел. А недавно узнал я, что сгнили они у него, даже скотина жрать отказалась. Вот такие бараны. Или еще пример. Пригласил я одного столяра. Руки золотые. Думал, налажу столярное дело, буду продавать изделия у себя в магазине. Ему предлагаю двадцать процентов от цены продажи. Так он меня эксплуататором обозвал. Говорит, что выручку надо делить пополам. Я ему и так, и сяк разъясняю: станки – мои, помещение – мое, магазин – мой, материал – мой, ты соображаешь, что ты говоришь? Да двадцать процентов – это из уважения, а по-хорошему и десяти много. Ушел. Сейчас живет без работы, рассказывает, что есть ему нечего.

Алексей Алексеевич. Да, Саша, народ такой. Испорченный. Налей еще, на работу не пойду. По полям сегодня проеду. Заодно проветрюсь.

Выпили еще. Посидели, помолчали, закусывали.

Бондарев. Ты знаешь, Алексей, воруют у меня все, кто только может. И ведь ни хрена не сделаешь. Вот недавно обнаружили недостачу – восемнадцать тысяч рублей. Девка-продавец украла и на работу не является. Позвал я Мишку. Ты его, наверное, знаешь – смотрящий. Тринадцать лет отсидел за убийство. Серьезный человек. Я ему кое в чем помогаю. Говорю ему – сдери с нее эти деньги. Твоих будет пять тысяч. Через пол дня приходит, говорит, что брать с нее нечего, все ее имущество – пара трусов. Давай еще тяпнем. Я завелся что-то. Но ничего – прорвемся, победим.

Опять выпили. Закусывают молча. К офису подъезжает Воронин на «Ниве». Останавливается невдалеке.

Воронин (*обращаясь к рабочим, ремонтирующим фасад*). Ребята, Александр Иванович на месте?

Рабочие. У себя, на месте. Только к нему начальство приехало.

Воронин. Какое начальство?

Рабочие. Глава администрации.

Воронин. Ну, что ж, подожду. Торопиться мне некуда.

Прошел, сел в приемной. Услышал голоса, как из репродуктора. Повертел головой, увидел над дверью не заделанное отверстие для вентиляции.

Алексей Алексеевич. Победим, Саша. Куда мы денемся? Надо только держаться друг за друга.

Бондарев. А тут не так давно Мишка ко мне заходит и говорит: «Иваныч, а ты Чеченца обидел чем-то?» Чеченец – это кличка. А так-то он русский. Говорит, жил в Грозном, и в его квартиру в самом начале войны попал снаряд. Уехал. Черти его занесли к нам. Ко мне на работу попросился. Я его взял, поселил, накормил. И вот за все это, ты только представь, он Мишке говорит: «Давай его, то есть меня, ошкурим. У него доллары есть». Не знал он, сволочь, что мы с Мишкой в доверии, я же это не афиширую. Рассказал я Мишке все как есть. Он говорит: «Согласись – и мы его зароем. Никто никогда не найдет». Нет, говорю, пришли его ко мне, я с ним потолкую.

Алексей Алексеевич. Ну и как поговорили?

Бондарев. Хорошо поговорили. Сели в кафе. Спрашиваю его: «Ты говорил это?» И все дословно, как Миша, пересказал. Вертеться он не стал. Побледнел и сознался: «Говорил». Но, дескать, только чтобы попугать. Ну, я не стал разводить антимионию. Спокойно ему пояснил: «Имей ввиду, если что-нибудь случится со мной или с моими родственниками, тебя не убьют, нет – тебя будут рвать по кускам, пока не сдохнешь. Понятно?». Он ответил, что очень понятно. И еще ему сказал, чтобы мне больше на глаза не попадался. Вот с тех пор я его и не вижу.

Алексей Алексеевич. Суровый ты, Саша, но по-другому нельзя: народ такой сволочной, лишние люди, мусор. Если честно, то Мишку-то я сам давно знаю. Он мне на прошлых выборах помог: двое после беседы с ним свои кандидатуры сняли. И сейчас поможет. Так-то вот. Ну, наливай еще.

Опять выпили. Воронина, как магнитом, тянуло к «репродуктору». Оттуда продолжали слышаться пьяные голоса. Мимо ходили рабочие.

Бондарев. И вот еще что, Алексей. Друг у меня новый появился. Встречались мы с ним еще в той, советской жизни. Большой начальник был. Заместитель управляющего в союзном тресте – «Спецстрой». Работать меня учил. Сейчас здесь живет, недалеко, в деревне. На пенсии. Научил, как видишь: кто он и кто я? Ты веришь, за всю жизнь заработал он на кооперативную квартиру в хрущевке. Вот такой деятель. Говорит, многим помогал. Помощник за чужой счет. Государственным добром распоряжаться – герой какой. Ты свое займай и попробуй, дай. Посмотрю я на тебя. *(Голос хриплый, злой.)* А ты знаешь, у меня тринадцать организаций твоих кормятся. Всех в тетрадку записываю, вот в эту. *(Постучал рукой по тетради.)* Приходят, кланчат. И женсовет, и ветераны, и спортсмены, и инвалиды, и всем ведь пока даю. Дармоеды. Надоели.

Алексей Алексеевич. Ладно, Саша, не горячись, полегче. Это тоже надо делать. Не очень-то ты и щедрый. Даешь на копейки. Придуриваешься, что сам бедный, убыточный. Мне же рассказывают.

Бондарев. Так вот этот друг вместо того, чтобы приватизацией треста заниматься, а захотел бы – миллионы долларов бы имел, ухватил по дешевке ЗИЛ-130. Но даже этой машиной распорядиться не сумел. За девять лет на учет не поставил. Меня просил. Я все сделал и с ним рассчитался. Теперь она моя. Ты дай команду Васе Панкратову, директору АТП, чтобы купил ее за двадцать пять тысяч баксов. Документы я подготовил. Васе даю тысячу – так ему и скажи. Тебе – тоже тысячу. Машину немного доработать надо, на своем предприятии он это и сделает, а, в общем-то, она в хорошем состоянии. Этот чудик следил за ней. Ну, что, по рукам?

Воронин с трудом встал на ноги.

Воронин *(еле слышно)*. Негодяи! Уйти отсюда, немедленно уйти. *(Пошел к выходу, держась за стенку.)*

Рабочие *(негромко, в сторону)*. Нажрался, свинья.

Воронин остановился на крыльце, под навесом. Схватился за сердце.

Воронин. Дойти до машины, дойти! Ой, как больно!

Быстро прошел, качаясь, по прямой к «Ниве». Сел, завел мотор и рванул с места, сшибая пустые ведра. В кабинете Бондарева Алексей Алексеевич и Бондарев обнимаются, клянутся в дружбе. К офису подъезжает самосвал.

Водитель самосвала *(рабочим громко)*. Это от вас тут мужик на «Ниве» выехал?

Рабочие. От нас. Пьяный в стельку.

Водитель самосвала. Машину разбил. Вдребезги. Говорят, уже мертвый ехал.

Занавес